

VIII МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО САМОДИСТИКЕ

Сборник тезисов международной научной конференции

(17-18 сентября 2021 г.)

Book of Abstracts

(17-18 September 2021)

VIII INTERNATIONAL CONFERENCE ON SAMOYEDIC STUDIES

Томск

2021

Оглавление

Оглавление.....	2
Секция №1 Лингвистика	4
Behnke, Anja.....	
IMPERSONAL CONSTRUCTIONS IN SELKUP	4
Budzisch, Josefina.....	
ANAPHORIC DEVICES IN SELKUP	6
Däbritz, Chris Lasse	
TYPOLOGY OF LOCATIVE PREDICATIONS IN SAMOYEDIC LANGUAGES	8
Kaheinen, Kaisla	
УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНА В КАЧЕСТВЕ МАРКЕРОВ ПРЕПАРАТИВНОЙ ПОДСТАНОВКИ В НГАНАСАНСКОМ.....	10
Klumpp, Gerson	
THE KAMAS DISCOURSE PARTICLE BAR	11
Mády, Katalin.....	
Mus, Nikolett.....	
THE SYNTAX AND PROSODY OF CONTENT QUESTIONS IN TUNDRA NENETS.....	13
Mus, Nikolett.....	
THE SYNTACTIC ANALYSIS OF THE POSTVERBAL ELEMENTS IN TUNDRA NENETS	14
Salminen, Tapani.....	
THE SYNCHRONY AND DIACHRONY OF NON-INITIAL OR UNSTRESSED VOWELS IN NENETS AND SAMOYED	16
Wegener, Hannah.....	
ANIMACY EFFECTS ON CASE MARKING IN SELKUP.....	17
Амелина Мария Константиновна	
ФОРМЫ С ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫМ И ЛОКАТИВНЫМ ЗНАЧЕНИЯМИ В ЗАПАДНЫХ ДИАЛЕКТАХ ТУНДРОВОГО НЕНЕЦКОГО ЯЗЫКА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ XIX В. И СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛЕВЫЕ ДАННЫЕ	19
Брыкина Мария Михайловна	
Вагнер-Надь Беата.	
БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ В СЕЛЬКУПСКИХ ДИАЛЕКТАХ ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА А.И. КУЗЬМИНОЙ.....	21
Буркова Светлана Игоревна	
О НЕКОТОРЫХ РАЗЛИЧИЯХ МЕЖДУ ТУНДРОВЫМ И ЛЕСНЫМ НЕНЕЦКИМИ ЯЗЫКАМИ НА МОРФОСИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ.....	22
Волжанина Елена Александровна	
ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ В МАТЕРИАЛАХ НАДЫМСКОЙ ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ.....	23
Гусев Валентин Юрьевич	
«НЕНЦЫ-МУЖЧИНЫ» И «САМОЕДСКАЯ ДЕСЯТКА»: ЗАГАДКИ НЕН. ХАСАВА	24
Ильина Людмила Алексеевна	
ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ СЕНСОРНО-ЭВИДЕНЦИАЛЬНОЙ ГРАММЕНЫ «АУДИТИВА» В НЕНЕЦКИХ ШАМАНСКИХ ПЕСНЯХ	25
Ковылин Сергей Васильевич	
ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА ПАМЯТНИКА СЕЛЬКУПСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ «БЕСЕДЫ ОБ ИСТИННОМ БОГЕ И ИСТИННОЙ ВЕРЕ НА НАРЕЧИИ ОБСКИХ ОСТЯКОВ» (1900) МАКАРИЯ (НЕВСКОГО)	26
Секция №2 Археология	27
Плетнёва Людмила Михайловна	
САМОДИЙСКИЙ КОМПОНЕНТ В ОРНАМЕНТАЦИИ КЕРАМИКИ ТОМСКО- НАРЫМСКОГО ПРИОБЬЯ В ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	27

Секция №3 Этнография, фольклористика	28
Арзютов Дмитрий Владимирович	
Амелина Мария Константиновна	
ХОЖДЕНИЕ КАНИНСКОГО САМОЕДИНА ЯКУШКИ ПИРЧИКОВА САМОВОЛЬСТВОМ В АГЛИНСКУЮ ЗЕМЛЮ И ОБРАТНО: МИКРОИСТОРИЯ НЕНЕЦКО-АНГЛИЙСКИХ КОНТАКТОВ В I-й ПОЛ. XVII В.	28
Ким-Малони Александра Аркадьевна.....	
СИСТЕМА КОММУНИКАЦИИ СЕЛЬКУПОВ С ПОТУСТОРОННИМ МИРОМ.....	30
Лаптандер Роза	
ВЭНВЭСОТА, ПАРНЭ, ПЭРАРА ЛЕСАК И ДР. – РЕАЛЬНЫЕ ПЕРСОНАЖИ ИЗ ПРОШЛОГО ИЛИ ВЫМЫШЛЕННЫЕ ГЕРОИ НЕНЕЦКИХ СКАЗОК?	31
Локтионова Анна Анатольевна.	
«ТАБАКЕРКИ ЮЖНЫХ СЕЛЬКУПОВ: ЭТНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ»	32
Тучкова Наталья Анатольевна	
«БОГАТЫРСКИЕ ПЕСНИ» СЕЛЬКУПОВ.....	33
Янюк Яна Викторовна	
СОВРЕМЕННАЯ ШКОЛА-ИНТЕРНАТ КАК ТРАНСЛЯТОР ТРАДИЦИОННОЙ НЕНЕЦКОЙ РЕЛИГИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ.....	34

IMPERSONAL CONSTRUCTIONS IN SELKUP

The present study aims at exploring the different strategies of expressing impersonal events throughout the Selkup dialect groups. It is based on two corpora: the *Selkup language corpus* [Budzisch et al. 2019] and the *INEL Selkup corpus* [Brykina et al. 2018]. Both corpora provide data for Northern, Central and Southern Selkup.

An *impersonal construction* lacks a grammatical (referential) subject [cf. Malchukov/Ogawa 2011]. The term is used both for “subject-centered” (based on formal criteria) and “agent-centered” (functional criteria related to agent defocusing of various types) interpretations [Siwierska 2008]. Starting from a formal-syntactic perspective according to Malchukov/Ogawa [2011] Selkup uses different strategies to express constructions lacking a grammatical (referential) subject.

Meteoverb constructions frequently either lack a subject altogether as in example (1) or have a ‘dummy’ subject as *nom* ‘sky’ in (2). The impersonal verb forms *lipkomɔta* ‘get.dark’ in (1) and *merk’enniŋ* ‘wind.blows’ in (2) are derived from the nouns *lipi* ‘darkness’ and *merk’e* ‘wind’ in (2), respectively.

(1) **Lip-ko-mɔta.**

darkness-VBLZ-DECAUS.3SG

‘It got dark’.

[INEL, Northern: KAI_1965_SylchaPylcha1_flk_129].

(2) Warəq mad’o-γəntu **nom** merk’e-n-ni-ŋ wārqi-ŋ.
big taiga-ABL.3SG sky wind-VBLZ-AOR-3SG.S big-ADV

‘From the big taiga strong wind comes’.

[SLC, Southern: PMP_1961_ForestWoman_flk_294].

Also other verb forms can lack a referential subject as *kuadaralžešpadat* ‘they killed’ in (3). Structures of this type are difficult to extract because of the pro-drop character of Selkup language.

(3) ema-d ču-r-e-le-k, manne-mbe-le čemna-la-m, kai-tko
woman-3SG cry-FRQ-EP-RES-3SG.S look-HAB-CVB brother-PL-ACC what-TRL

kuad-a-ra-lže-špa-dat?

kill-EP-CAUS-TR-IPFV-3PL

‘Die Frau weinte, als sie die Brüder sah, warum hat man sie getötet’.

[SLC, Central/Southern: NN_1855_Hero2_song_177-179].

Other means of encoding are dummy (auxiliary) verb constructions [cf. Malchukov/Ogawa 2011: 26] as *qwɔn* ‘go away’ in (4).

(4) Pi-ttə qwɔn-dɪ.
night-3SG go.away-IPFV.3SG

‘It is dark in the house’.

[SLC, Southern: BNN_1971_DogSearchedMistress_flk_31].

Another strategy is the use of cognate constructions, where the subject and the predicate are lexically cognate as *čeli* ‘sun’ in example (5).

- (5) Čele-di čeli-m-ba.
sun-3SG sun-TRL-PST.REP.3SG
‘The sun was shining’.
[SLC, Central: ChDN_1983_ItjaStayedAlone_flk_25].

The goal of the study is to provide a systematic overview of different strategies to form so-called *impersonal constructions* in Selkup. Here, particularly attention is given to similarities and difference within each Selkup dialect group. The question arises if all here given strategies are used in all dialects or if they are limited. Cognate constructions as in example (4) for instance are not mentioned for (Northern) Selkup in Salo's description of meteorological verbs in Uralic [cf. Salo 2011: 426 ff.].

References

- Bauer, B. Archaic Syntax in Indo-European: The Spread of Transitivity in Latin and French. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000.
- Brykina, M., Orlova, S., Wagner-Nagy B. “INEL Selkup Corpus”. Version 0.1. Publication date 2018-12-31. Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-CAE5-3>. In: Wagner-Nagy B. / Arkhipov A. / Ferger A. / Jettka D. / Lehmborg T. (eds.). The INEL Corpora of Indigenous Northern Eurasian Languages, 2018.
- Budzisch, J., Harder, A., Wagner-Nagy, B. Selkup Language Corpus (SLC). Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. Version 1.0.0. Publication date 2019-02-08. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-D009-4>.
- Malchukov, A., Ogawa, A. “Towards a Typology of Impersonal Constructions”. In: Malchukov A. / Siewierska A. (eds.). Impersonal Constructions: a Cross-Linguistic Perspective. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2011. Pp. 19-56.
- Salol, M. “Meteorological verbs in Uralic languages – Are There Any Impersonal Structures To Be Found?”. In: Malchukov A. / Siewierska A. (eds.). Impersonal Constructions: a Cross-Linguistic Perspective. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2011. Pp. 395–438.

ANAPHORIC DEVICES IN SELKUP

This study is a corpus-based analysis of Selkup and aims at taking a closer look at the different anaphoric devices, with a special focus on demonstratives and possessive suffixes. The corpora used are Budzisch et al. [2019] and Brykina et al. [2020], both covering Northern, Central and Southern Selkup with a total of 409 texts (17,092 sentences, 97,562 tokens).

Demonstratives in Selkup, as well as in most other languages, are used to establish spatial relations between referent points but are also used to refer to items of discourse [Diessel 1999]. In Selkup demonstratives appear in the form *tam* (proximal), *to* (distal), *tina* and *na* (both anaphoric), the anaphoric use with *na* is shown in example (1):

(1) Southern Selkup, Middle Ob

Na šo:qor-t pa:r-o-nd siga-l-ba-dit.
 DEM stove-GEN top-EP-ILL climb-INCH-PST.REP-3PL
 ‘They climbed on this stove [which has been mentioned before]’
 [TMR_1981_Robbers_flk.034].

A shared trait in Samoyedic languages is the multifunctionalism of possessive suffixes: apart from marking prototypical possession (e.g. kinship, body parts), they can be found in other functions as well [Siegl: 2015] on Nganasan, [Körtvély: 2010] on Nenets. The same holds true for Selkup: possessive suffixes carry additional meaning in structuring the discourse, they can be used to mark uniqueness or refer to an entity in the immediate physical surrounding but also in an anaphoric function [Budzisch 2017; Kim-Malony, Kovylin 2017: 35]. In example (2) the devil is introduced in the first part and then mentioned again with an added possessive suffix in a non-possessive use:

(2) Central Selkup, Vasyugan

Id'e pönege-m aya nadi-r-i-d.
 Itja devil-ACC NEG love-FRQ-EP-3SG

Pönege-t qu-m am-gu lakka-ti-l'-de, [...]
 devil-POSS.3SG person-ACC eat-INF want-IPFV-INCH-3SG
 ‘Itja does not like the devil. If the devil wants to eat a human being ...’
 [ChDN_1983_IdjasTown_flk.008-009].

It can therefore be concluded that apart from their differences, the demonstrative *tina* and *na* and possessive suffixes in non-possessive use partly fulfill the same function.

Notable is also that, as in other Samoyedic languages (e.g. Enets), these two markers often occur together, as shown in example (3):

(3) Northern Selkup, Taz

Ija ej na qom-i-nti-sa tam ej
 guy also DEM person-EP-OBL.3SG-COM 3SG also

na üti-mpe-r-al'-mi-ti.
 INFER drink-HAB-FRQ-INCH-PST.NAR-INFER.3SG.S
 ‘[He saw the engaged couple came, sat down and drank together.] The young man also started to drink with those people’ [TVP_1965_ThreeBrothersLapta_flk.105].

The aim of the present study is to identify the trigger for choosing anaphoric devices, also taking information status and reference tracking into consideration.

References

- Brykina, M., Orlova, S., Wagner-Nagy, B. INEL Selkup Corpus. Version 1.0. Publication date 2020-06-30. Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-E1D5-A>. In Wagner-Nagy, Beáta – Alexandre Arkhipov – Anne Fergert – Daniel Jettka – Timm Lehmbert (eds.): The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages, 2020.
- Budzisch, J., Harder, A., Wagner-Nagy, B. Selkup Language Corpus (SLC). Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. Version 1.0.0. Publication date 2019-02-08. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-D009-4>.
- Budzisch, J. On the Non-Possessive Use of Possessive Suffixes in Central and Southern Selkup. In: Ural-Altaic Studies Scientific Journal 25, 2017. Pp. 58–66.
- Diessel, H. Demonstratives: Form, Function, and Grammaticalization (Typological Studies in Language 42). Amsterdam: John Benjamins, 1999.
- Kim-Maloney, A., Kovylin, S. Проблемы семантической интерпретации конструкций с посессивными формантами в диалектах селькупского языка. In: Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology 4, 2017. Pp. 29–41.
- Körtvély, E. On the Function of Possessive Suffixes in Tundra Nenets: Possession and Semantic-Pragmatic Definiteness. In: Finnisch-Ugrische Mitteilungen 32/33, 2010. Pp. 321–343.
- Siegl, F. The Non-Possessive Use of PX.2P in Nganasan and Dolgan – a Reappraisal. In: Finnisch-Ugrische Mitteilungen 39, 2015. Pp. 76–100.

TYOLOGY OF LOCATIVE PREDICATIONS IN SAMOYEDIC LANGUAGES

As it is widely known, locative predications express the position of a definite, mostly topical entity, the *theme* (a.k.a. figure, pivot), at a given *location* (a.k.a. ground, coda), being combined by a copula element [Payne 1997: 112; Stassen 1997: 13]. Given the basic SOV word order in Samoyedic languages and the prototypical information structure pattern of locative clauses, the latter exhibit the word order *theme – location – copula* [Wagner-Nagy 2016: 228]. However, they differ in the copula element used. Whereas Selkup and Kamas use the same copula as in nominal predication (*εε*-and *i*-respectively; example (1)), Nenets and Enets use designated locative copulas in most contexts (*ηa*-~ *me*- and *ηa*- respectively; example (2)), and Nganasan follows either the former pattern (copula *i*-) or uses the existential copula *tai*- (example (3)) [Wagner-Nagy 2016: 228].

- (1) *Mǎn kaga-m vǎjna-gǎn i-bie.*
 1SG.GEN brother-POSS1SG war-LOC be-PST.3SG
 ‘My brother was in the war.’
 [Kamas; Gusev et al. 2019, PKZ_196X_SU0222.073]
- (2) *Wen’ako m’a-kǎna me.*
 dog tent-LOC.SG be.at.3SG
 ‘The dog is in the tent.’
 [Tundra Nenets; Nikolaeva 2014: 263; transcription adapted]
- (3) *Tǎ n’emi-gǎi-t’i tǎbtǎ tai-t’ü-gǎj.*
 well mother-DU-POSS3SG also exist-AOR-3DU
 ‘Well, her parents are also [there].’
 [Nganasan; Brykina et al. 2018, JSM_090809_Life_nar.398]

According to Stassen’s [1997: Ch. 2&3] typology of intransitive predication, Selkup and Kamas follow the nominal strategy expressing locative predications, whereas Nenets and Enets follow the locational strategy. Nganasan follows either strategy depending on the copula (*i*-nominal strategy, *tai*- locational strategy). The usage of the copula *tai*- in Nganasan – which diachronically contains the pronominal stem *tǎ*- [Wagner-Nagy 2016: 222] – implies that Nganasan exhibits an “existential takeover” in locative predication, what is unexpected from a typological point of view inasmuch existential clauses are usually analyzed as having eventually emerged from locative clauses, but not the other way round [Lyons 1967, Creissels 2014]. This paper investigates into the patterns of both affirmative and negative locative predication in the Samoyedic languages, evaluating them against a typological background [Stassen 1997; Creissels 2014], and paying special attention to the relationship of locative and existential clauses.

References

- Brykina, M., Gusev, V, Szeverényi Sándor, Wagner-Nagy Beáta. Nganasan Spoken Language Corpus (NSLC). Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. Version 0.2. Published on 2018-06-12. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-C6F2-8>.
- Creissels, D. Existential Predication in Typological Perspective. Working Paper. 2014. Available online: <http://www.deniscreissels.fr/public/Creissels-Exist.Pred.pdf>. Last access: 03.01.2021.

- Gusev, V., Klooster, T., Wagner-Nagy, B. INEL Kamas Corpus. Version 1.0. Publication date 2019-12-15. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-DA6E-9>. Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. In: Wagner-Nagy, Beáta & Alexandre Arkhipov & Anne Ferger & Daniel Jettka & Timm Lehmberg (Hgg.). The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages.
- Lyons, J. A Note on Possessive, Existential and Locative Sentences. In: *Foundations of Language* 3(4), 1967. Pp. 390–396.
- Nikolaeva, I. *A Grammar of Tundra Nenets*. Mouton Grammar Library 65. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014.
- Payne, T. E. *Describing Morphosyntax. A Guide for Field Linguists*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Stassen, L. *Intransitive Predication*. Oxford: Clarendon Press, 1997.
- Wagner-Nagy, B. Existentials, Possessives and Definiteness in Samoyedic Languages. In: Fischer, Susann & Tanja Kupisch & Esther Rinke (Hgg.). *Definiteness Effects: Bilingual, Typological and Diachronic Variation*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2016. Pp. 213–243.

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ МАРКЕРОВ ПРЕПАРАТИВНОЙ ПОДСТАНОВКИ В НГАНАСАНСКОМ

Исправление, хезитаций и другие явления, имеющих отношение к проблемам через порождения, понимания речи или социальных отношений между участниками разговора, очень часто фигурируют в корпусах устной речи [Подлеская & Кибрик 2007: 1–3]. Лингвистический феномен самоисправления состоит в том, что говорящий, сталкиваясь с какими-либо трудностями или ошибками в своей речи, прерывает артикуляцию текущего предложения, стремится исправлять проблемы и потом вернуться в сообщение.

Весьма распространенным способом самоисправления является так называемая препаративная подстановка, с помощью которого говорящий, не найдя нужное слово, может выиграть время для решения проблемы или заменить отсутствующее слово с семантически обобщенным заместителем, который иногда также носит морфологические аффиксы нужного слова [Hayashi & Yoon 2006]. В качестве препаративной подстановки в разнообразных языках чаще всего используются местоимения или существительные с такими общими значениями как «вещь», «дело» [Podlesskaya 2010]. Явление вероятно универсальное в языках мира – но морфологические, синтаксические и лексические особенности маркеров препаративной подстановки различаются друг от друга в соответствии с типологическими чертами каждого языка.

В устной речи нганасанского языка самоисправление является очень обычным. Говорящие нганасанского используют в качестве препаративной подстановки указательные местоимения, на пример *takəə* 'тот (дальний)' *təti* 'этот' и *ənti-* : *əndi-* 'этот'. Самым интересным среди упомянутых является *ənti-*, которое часто фигурирует в той же форме чем нужное слова, снабжено с соответствующими суффиксами – но не только с падежными суффиксами, нормальными для местоимений нганасанского, а также с суффиксами дестинативной формы имени и с суффиксами глагола. Морфологические черты нганасанской препаративной подстановки, образованы от указательного местоимения *ənti-*, являются типологически необычным, а также интересным с точки зрения грамматической структуры нганасанского.

Литература

- Hayashi, M. & Yoon, K.-E. A Cross-Linguistic Exploration of Demonstratives in Interaction: With Particular Reference to the Context of Word-Formation Trouble. In: *Studies in Language* 30(3), 2006. Pp. 485–540.
- Podlesskaya, V. I. Parameters for Typological Variation of Placeholders. In: N. Amiridze, B. H. Davis & M. MacLagan (eds.): *Fillers, Pauses and Placeholders*. 11–32. Amsterdam: John Benjamins, 2010.
- Подлеская В. И. & Кибрик А. А. Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи // *Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы*, 2007. С. 2-23.

THE KAMAS DISCOURSE PARTICLE *BAR*

This work was supported by the Estonian Research Council grants PRG 927 and PRG 1290.

Kamas has a universal quantifier expression of Turkic origin, *bar* ‘all, total(ly)’ [Joki 1944: 8, 187; 1952: 83], which functions adverbially (1a–b), adnominally (e.g. *baril* ‘all people’), pronominally (1c), as a superlative adverb (1d), and also clausally (*bar* ‘that’s all’).

- (1) a. *Ten-dən* ***bar*** *am-gut!*
 sinew-3PL all eat-IMP2PL.OC
 ‘Eat their sinews all up!’ [5.19].
- b. *Dĩ* *kem-žə?* *šüşkü-m* ***bar*** *t’o?bdə-bi.*
 DEM blood-INS bladebone-ACC all smear-PST3SG
 ‘With this blood, he coated the bladebone all over’ [8.19].
- b. ***Bar*** *kal-la?* *t’ür-bi-i?*
 all go-CV disappear-PST-3PL
 ‘They were all gone’ [9.50].
- d. *Dĩ* ***bar-gət-tən*** *bile* *kuza.*
 DEM all-ABL-3PL bad person
 ‘He’s the worst person of all’ [KW 8a].

In texts recorded from the last speakers, *bar* occurs frequently in an additional use: an unstressed (clitic) particle, often after the first constituent of a clause (2a–b), but also clause-finally (2c). The meaning of the particle has been unclear so far.

- (2) a. *Dĩ=bar* *šüjmə* *t’ap-pi.*
 DEM=DP mare catch-PST3SG
 ‘[There was a poor man.] He caught a mare’ [P2.03 04:16].
- b. *Dĩn=bar* *tura-i?* *nu-ga-i?*
 there=DP house-PL stand-PRS-3PL
 ‘[He came to place.] Houses are standing there (...).’ [P2.23 05:18].
- c. *Da* *mi?* *ug ndə* *känn m-bi-ba?*=***bar.***
 and we very freeze.RES-PST-1PL=DP
 ‘And we froze very much’ [SU0211 03:54].

In (2a–c), *bar* may be read as a discourse particle, operating not on propositional content, but expressing speaker’s stance to the degree of truth of the proposition [Zimmermann 2011: 2012–2013] similar to e.g. English *totally* [Beltrama 2015], i.e. a speaker-oriented assertive particle. Possibly, however, it does not only relate to proposition content, but also to proposition form (text production). In understanding the development of the particle it also needs to be considered that in South Siberian Turkic, the word in question (Old Turkic *bar*, Xakas *par* etc.) is first of all an existential predicate ‘there is’, not a universal quantifier. So the source of the discourse particle is not necessarily the universal quantifier.

The investigation considers the 1000+ instances of *bar* in the INEL Kamas corpus [Gusev et al. 2019].

References

- Beltrama, A. From Totally Dark to Totally Old. The Formal Semantics of Subjectification. In: Proceedings of Sinn und Bedeutung 19, 2015. Pp. 125–142. Retrieved from <https://ojs.ub.uni-konstanz.de/sub/index.php/sub/article/view/225>.
- Gusev, V., Klooster, T., Wagner-Nagy, B. “INEL Kamas Corpus.” Version 1.0. Publication date 2019-12-15. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-DA6E-9>. Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. In: Wagner-Nagy Beáta; Arkhipov Alexandre; Ferger Anne; Jettka Daniel; Lehmborg Timm (eds.). The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages.
- Joki, A. J. Kai Donners Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Haupt-zügen der Grammatik. Lexica Societatis Fenno-Ugricae VIII. Helsinki, 1944.
- Joki, A. J. Die Lehnwörter des Sajansamojedischen. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 103. Helsinki: SUS, 1952.
- Zimmermann, M. Discourse Particles. In: Klaus von Heusinger, Claudia Maienborn, and Paul Portner (eds). Semantics: An International Handbook of Natural Language Meaning, vol. 2. Berlin: Mouton, 2011. Pp. 2012–2038.

Hungarian Research Centre for Linguistics, Budapest (Hungary)

Mády, Katalin

Hungarian Research Centre for Linguistics, Budapest (Hungary)

Mus, Nikolett

THE SYNTAX AND PROSODY OF CONTENT QUESTIONS IN TUNDRA NENETS

In Tundra Nenets (TN) genuine content questions, the basic order of the constituents is said to be SOV, in which the *wh*-phrase remains in situ. It is also stated that other configurations can be realized, and so the order of the constituents is supposed to be free in content questions [Nikolaeva 2014]. This descriptive observation points to the assumption that there is no *wh*-movement in Tundra Nenets.

Nevertheless, we know that there are orders that cannot freely appear in content questions. As it will be shown, expressions that have scope cannot precede the *wh*-phrase in genuine content questions. Thus, the following syntactic generalization can be drawn: *[*op*...*wh*]. A possible analysis of this syntactic constraint is the following: the fact that operators induce strong intervention effects in TN single content questions suggests that the *wh*-phrases undergo movement (at least in the logical form) in TN. The *wh*-phrases in TN are variables that are linked to their *wh*-operator, i.e. the *wh*-phrase decomposes into a *wh*-indefinite and a *wh*-operator. The intervention of another operator between the variable and its *wh*-operator breaks the link between them. Therefore, these constructions are ungrammatical.

In line with these we formulate the following research questions in our talk:

[Q1]: Do the *wh*-phrases move to a dedicated position? (If yes, what is this position?)

[Q2]: Are there any differences between the prosody in questions exhibiting different orders in general?

[Q3]: What are the prosodic characteristics of questions and *wh*-phrases?

[Q4]: Do the seemingly non-in situ *wh*-phrases have different prosodic characteristics?

THE SYNTACTIC ANALYSIS OF THE POSTVERBAL ELEMENTS IN TUNDRA NENETS

An ongoing SOV > SVO(VX(*)) syntactic change is reported in languages of Northern Siberia [Grenoble 2000; Stapert 2013]. Although Tundra Nenets (TN) – Uralic, spoken in North Siberia – is regarded as a verb-final language, it allows for non-verb-final configurations at least in its spoken variety. Nikolaeva [2014] characterizes this 'right-dislocated' constituent as an afterthought. Whereas the first step of an OV>VO change is (usually) the occurrence of an afterthought constituent at the right periphery of the clause (that is then reanalysed as an argument in situ [Kiss 2013]), it may be justified to assume that TN undergoes a structural change. In this talk, I argue that the postverbal element in TN is rather to be analysed as a syntactic 'orphan' [Haegeman 2009]. Therefore, TN is still considered as a verb-final language.

In TN, the element appearing postverbally refers back to the host sentence, and repairs it with additional information (1).

- (1) *Jǎǎ-kočá-ʔ xæw-xǎna jil'e-ŋaxǎʔ, jabta-ko jǎǎ-ʔ xæw-xǎna.*
river-DIM-GEN side-LOC live-CO.3DU narrow-DIM river-GEN side-LOC
'They lived near a small river, near a narrow small river'.

The postverbal XP is not affected by various syntactic processes. First, it is possible to split a possessive phrase and place the possessee to the right of the verb. Then, the clause internal possessor is not marked by genitive case that is otherwise obligatory for lexical possessors in TN PossPs (2).

- (2) *Jerw xupatow ŋǎno-da ŋǎd'im'e, naxǎr-t'e ješer-ta.*
master Khupatov boat-3SG appear.3SG three-ORD sail.3SG
'The boat of master Khupatov appears, the third sail of his boat'.

Second, in (X)VO orders the verb takes object agreement marker (3).

- (3) *Xasawa tola-b'i-da/ʔʔ-∅, padǎr-mʔ.*
man read-DUR-SG.3SG/-3SG book-ACC
'A/The man reads (it), the book'.

In TN, 3rd person topical objects and silent pronominal objects trigger agreement on the verb. The obligatoriness of the agreement in (3) suggests, that the postverbal object is not integrated in the clause. Rather, there is a silent pronominal object which the verb has to agree with. The scenario that the postverbal object is topical and triggers agreement is not supported by the prosody of the sentence: there is a gap between the clause and the postverbal object, and the intonation contour of the object is low and flat.

These two cases above indicates that the postverbal element in TN is not interpreted as part of the sentence.

References

- Kiss, É. From Proto-Hungarian SOV to Old Hungarian Top Foc VX. *Diachronica* 30.2, 2013.
Grenoble, L. A.. Morphosyntactic Change: the Impact of Russian on Evenki. In: Gilbers et al. *Languages in Contact*. Rodopi, 2000.

- Haegeman, L. Parenthetical Adverbials: The Radical Orphanage Approach. In: Shaer et al. *Dislocated Elements in Discourse*. Routledge, 2009.
- Nikolaeva, I. A. *Grammar of Tundra Nenets*. De Gruyter, 2014.
- Stapert, E. *Contact-Induced Change in Dolgan*. LOT, 2013.

THE SYNCHRONY AND DIACHRONY OF NON-INITIAL OR UNSTRESSED VOWELS IN NENETS AND SAMOYED

This presentation deals with the structure and development of the vowel systems beyond initial and stressed syllables mainly in the Nenets languages, but it also includes comparisons with the other members of the Samoyed branch of the Uralic family. Since stress in Samoyed and Uralic historically by and large coincides with the initial position of the syllable in the case of word-forms consisting of two or three syllables in particular, the term ‘non-initial’ will be used to cover the issue here. To complete the picture, the question of the vowel systems of secondarily stressed syllables, such as, in the most common instance, the third syllable of polysyllabic word-forms, will also be touched upon.

While it is generally understood that both in modern Forest Nenets and Tundra Nenets as well as in all of their preceding proto-languages, Proto-Nenets, Proto-Samoyed, and Proto-Uralic, the non-initial vowel systems appear to be conspicuously narrower than those found in the first syllable, numerous problems and open issues remain. As for Proto-Samoyed, the early position of Janhunen [1977] reduced the non-initial vowel contrasts to a minimum, which was countered by Хелимский [1978] and in several of his later publications, as summarized by Salminen [2012]. Important contributions to the question from a general Samoyedological point of view include Donner & Sirelius & Alatalo [2004] for Selkup and Гусев [2008] from a Nganasan point of view.

As a whole, the presentation provides general information on the non-initial vowel systems of the Forest Nenets and Tundra Nenets languages, and further reflects on their relations with the complex and occasionally conflicting data from the other Samoyed languages.

References

- Donner, K. & Sirelius, U. T. & Alatalo, J. Sölkupisches Wörterbuch. Zusammengestellt und herausgegeben von Jarmo Alatalo. *Lexica Societatis Fenno-Ugricae* 30. Helsinki, 2004.
- Janhunen, J. *Samojedischer Wortschatz: gemeinsamojedische Etymologien*. Castrenianumin toimitteita 17. Helsinki, 1977.
- Salminen, T. *Traces of Proto-Samoyed Vowel Contrasts in Nenets*. In: *Per Uralesad Orientem: Iterpolyphonicummultilingue*. Festskrifttillägnad Juha Janhunen påhanssextioårsdagden 12 februari 2012. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne* 264. Helsinki, 2012. Pp. 339–358.
- Гусев В. Ю. Ауслатное -w в самодийских языках: нганасанско-маторская изоглосса // *Материалы 2-й международной конференции по самодистике*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2008. С. 114–128.
- Хелимский Е. А. Реконструкция прасеверносамодийских (ПСС) лабиализованных гласных не первых слогов // *Конференция «Проблемы реконструкции» (тезисы докладов)*. Москва: Академия наук СССР, 1978. С. 123–126.

ANIMACY EFFECTS ON CASE MARKING IN SELKUP

Direct objects in Selkup have been described to be marked either accusative or nominative [Castrén 1960; Helimski 1998; Kuznecova et al. 2002; Prokof'ev 1935; Wickman 1955]. From a typological point of view nominative marking for direct objects can be explained by triggers such as TAM, definiteness, animacy, amongo.a. [Sinnemäki 2014; Aissen 2003]. Selkup, however, exhibits an additional pattern. Direct objects, referring to inanimates receive differential marking as well. This is due to the cultural importance of these specific concepts i.e. they are regarded animate [Bajdak – Kim-Maloney 2009]. These include the words: fire, sun, river, stone, and birch tree.

- (1) *Watto:-qin qo-mpa-ti wərqi pü.*
road-LOC sight-PST.REP-3SG.o big stone
'On the way he saw a big rock.'
[Northern Selkup: KVM_1977_IchaAndNenets_flk.009]
- (2) *Näne:-t mannə-mba č'e:l-də a:da:.*
forward-LOC.ADV look-PST.REP sun-3SG see
'He looked forward – he sees the sun.'
[Central Selkup: SDP_1964_FairytaleBlackZar_flk.208]

A corpus search of the Selkup Language Corpus (SLC) showed the words mentioned above occurred 81 times. The corpus itself amounts to 55.246 tokens. Table 1 below, gives a detailed overview of the specific results for each key word.

Table 1. Quantitative results corpus search for animacy triggered case marking

Key word	Σ	CASEMARKING		TRIGGER	
		NOM	ACC	ANIMACY	OTHER
<i>fire</i>	49	11	38	4	7
<i>stone</i>	17	8	9	3	5
<i>river</i>	10	1	9	1	0
<i>sun</i>	4	1	3	1	0
<i>birchtree</i>	1	0	1	0	1

It is argued that in addition to the typological evidence, Selkup employs animacy as a factor for case marking. Unlike the natural relation between animacy and entities being alive; Selkup assigns this feature to typically inanimate referents. Consequently, the default case marking of accusative for direct objects is blocked and referents appear in nominative. Selkup therefore exhibits a cultural influence on argument marking.

References

- Aissen, J. Differential Object Marking: Iconicity vs. Economy. In: Natural Language and Linguistic Theory 21, 2003. Pp. 435-483.
- Bajdak, A., Kim-Maloney, A. Etnolingvistika oppozicii zhivoj-nezhivoj v sel'kupskom. In: Finnisch-Ugrische Mitteilungen 32/33, 2009. S. 47-60.
- Helimski, E. Selkup. In: D. Abondolo (ed.), The Uralic Languages. London: Routledge, 1998. Pp. 548–579.

- Kuznecova, A. I., Kazakevich, O. A., Grushkina, E. V., Helinski, E. A. Sel'kupskij jazyk. Sankt-Peterburg: Filalag Izdatel'stva Prosveshchenie, 2002.
- Prokof'ev, G. N. Sel'kupskij jazyk. (Trudy po lingvistike 4). Leningrad: Izdatel'stvo instituta narodov Severa CIK SSSR, 1935.
- Sinnemäki, K. A Typological Perspective on Differential Object Marking. *Linguistics* 52 (2), 2014. Pp. 281-313.
- Budzisch, J., Harder, A., Wagner-Nagy, B. Selkup Language Corpus (SLC). Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkoropra, 2019.
- Wickman, B. The Form of the Object in the Uralic Languages. Wiesbaden: Harrassowitz, 1955.

**ФОРМЫ С ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫМ И ЛОКАТИВНЫМ ЗНАЧЕНИЯМИ В
ЗАПАДНЫХ ДИАЛЕКТАХ ТУНДРОВОГО НЕНЕЦКОГО ЯЗЫКА В
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ XIX В. И
СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛЕВЫЕ ДАННЫЕ**

Данное исследование представляет собой сравнительный анализ системы именного словоизменения западных диалектов тундрового ненецкого языка (далее — ЗД), предложенной архимандритом Вениамином в I-ой трети XIX в., с аналогичными системами современных западных диалектов (экспедиционные материалы автора по канинскому и колгуевскому диалектам) и современного тундрового ненецкого литературного языка (СТНЛЯ).

Рукопись «Грамматика самоедского языка» (“*Samojedische Grammatik*”, далее — SamGr) хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (фонд А. М. Шёгрена, ф. 94, оп. 1, д. 25, 78 лл.). Работа над данной грамматикой велась архим. Вениамином (Смирновым) во II пол. 1820-х гг. — I пол. 1830-х гг. в рамках деятельности «самоедской миссии» в Мезенском уезде Архангельской губернии (на западе современного НАО).

Яркой особенностью падежной системы SamGr является выделение двух самостоятельных падежей с разными формами: инструментального и локатива, — тогда как во всех современных ненецких диалектах и в СТНЛЯ эти два падежных значения слиты в единой форме («местно-творительный падеж»): LOC/INSTR.SG $-x^{\circ}na(-x\acute{e}na)$ / $-k^{\circ}na(-k\acute{e}na)$; LOC/INSTR.DU $-x^{\circ\acute{o}}$ / $-k^{\circ\acute{o}}$ + послелог *náana*; LOC/INSTR.PL $-x^{\circ?}na(-x\acute{e}?na)$ / $-k^{\circ?}na(-k\acute{e}?na)$.

В SamGr формы с инструментальным значением представлены в двух вариантах. Первый из них образуется с помощью показателя *-mboi/-mboi* (с вариантами) или *-nòil/-poi* (для основ на $-?^{\circ}$). По нашим экспедиционным данным, в современных крайне западных ненецких диалектах (КЗД) наряду с формой, аналогичной литературной, для выражения именно инструментального значения в непосессивном склонении широко используется также форма на $-boj^{\circ}[-bój^{\circ}]$ (< $*(m)poj^{\circ}$): *x\acute{e}r^{\circ}* ‘нож’ — *x\acute{e}r^{\circ}boj^{\circ}[\acute{x}\acute{e}r^{\circ}bój^{\circ}]* ‘ножом’. По значению и происхождению данный аффикс сближается с суффиксом *-mboi* (*-mroj^{\circ}*), с помощью которого от имен образуются определительные наречия.

Для форм с локативным значением во всех трех числах в SamGr характерна «экспансия» аффикса *-сь / -βj* (с ориентацией на шведскую орфографию). В СТНЛЯ не зафиксировано аналогичной формы в этом значении. Однако Н. М. Терещенко отмечала особенность образования «превратительной формы» (эссива) в КЗДс помощью аффикса *-сь(-sʲ)*, восходящего к показателю инфинитива. В формах эссива, зафиксированных Н. М. Терещенко в канин.архим. Вениамином в SamGr, отражено выпадение *-y-* (*-ŋ-*) в интервокальной позиции с последующим стяжением двух гласных; можно предположить, что в SamGr приводятся формы эссива в локативном значении. По нашим экспедиционным данным, в современных КЗД, как и в СТНЛЯ, в эссивном значении представлена форма на *-y\acute{e}(-ŋe^{\circ})*, однако в значении ‘почему, зачем?’ широко функционирует форма *ймгэсь* вместо литер. *ŋámg\acute{x}\acute{e}na* (LOC/INSTR.SG от *ŋámg\acute{e}* ‘что’).

Сокращения

ЗД — западные диалекты тундрового ненецкого языка; канин. — канинский диалект; КЗД — крайнезападные диалекты тундрового ненецкого языка; литер. — литературное; СТНЛЯ — современный тундровый ненецкий литературный язык; DU — двойственное число; INSTR — инструментальный падеж; LOC — локатив (местный падеж); PL —

множественное число; SamGr — «Грамматика самоедского языка» (“Samojedische Grammatik”) архим. Вениамина; SG — единственное число.

Литература

Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь: Около 22000 слов. С приложением краткого грамматического очерка ненецкого языка. М., 1965.

Salminen, T. A. Morphological Dictionary of Tundra Nenets. Helsinki, 1998. (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XXVI. Helsinki, 1998.)

Брыкина Мария Михайловна
Университет Гамбурга, г. Гамбург (Германия)

Вагнер-Надь Беата
Университет Гамбурга, г. Гамбург (Германия)

БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ В СЕЛЬКУПСКИХ ДИАЛЕКТАХ ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА А.И. КУЗЬМИНОЙ

В селькупских диалектах зафиксировано две финитные формы, имеющие референцию к будущему времени: форма на *-enti* и форма на *(sä) -lä* (варианты показателей для северного диалекта). При этом форма на *-lä(-IV)* в большинстве диалектов имеет прежде всего модальное значение (гортатив, императив, оптатив). Задачей нашего исследования было описать контексты употребления формы на *-IV* по материалам текстов из архива А.И. Кузьминой в единой системе терминов для северных, центральных, кетских и южных диалектов и сравнить результаты с имеющимися описаниями ([Кузнецова и др. 1980], [Кузнецова 1995], [Гальцова 1993], [Беккер и др. 1995]).

Дистрибуция сопутствующей форме на *-IV* частицы *sä (-s/-he)* сильно варьирует по диалектам. Будучи вообще не представленной в текстах кетского диалекта, она употребляется небольшим количеством носителей северного диалекта почти исключительно с формами второго лица в императивных контекстах. В то же время некоторыми носителями южных диалектов, она, наоборот, используется преимущественно с формами первого лица, имеющими референцию к будущему.

Одна носительница селькупского языка из Старосондорово/Новосондорово употребляет также, насколько нам известно, ранее не зафиксированную форму потенциального будущего времени на *-naš/-niš* для 2-3 SG. Если для второго лица это форму можно считать вариантом будущего времени на *-enži*, то происхождении этой формы для третьего лица пока остается неясным.

Литература

- Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А. Морфология селькупского языка: Южные диалекты. Часть I. ТГУ, 1995.
- Гальцова Н. П. Морфологические средства выражения темпоральных отношений в селькупском языке (на материале тымского диалекта): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.филол.н.. Институт филологии СО РАН, Новосибирск, 1993.
- Кузнецова, А. И., Хелимский, Е. А., Грушкина, Е. В. Очерки по селькупскому языку (Том 1). Изд. Московского ун-та, 1980.
- Кузнецова Н. Г. Грамматические категории южноселькупского глагола. Изд. Томского университета, 1995.

О НЕКОТОРЫХ РАЗЛИЧИЯХ МЕЖДУ ТУНДРОВЫМ И ЛЕСНЫМ НЕНЕЦКИМИ ЯЗЫКАМИ НА МОРФОСИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ

В исследованиях 20-го века тундровый ненецкий и лесной ненецкий чаще всего рассматривались как диалекты (в ряде работ – наречия) одного языка. Однако в работах последних десятилетий наблюдается тенденция считать эти два идиома близкородственными, но самостоятельными языками, см., например, [Хелимский 2002; Janhunen 2009]. Основанием для такого подхода являются существенные различия, проявляющиеся как в области фонетики, так и в области грамматики и лексики.

В докладе будут рассмотрены некоторые различия между тундровым и лесным ненецкими языками, проявляющиеся на морфосинтаксическом уровне. В частности, ненецкие языки обладают не полностью совпадающими наборами инфинитных форм глагола. Две формы, эвазив *-moŋkad°* и супин *-mantsj°*, употребляются только в тундровом ненецком. Это, в свою очередь, отражается в различиях между языками в способах выражения причинных, целевых и заместительных отношений между клаузами.

Еще одним примером являются разные наборы морфологических показателей эпистемических наклонений. Два аффикса, пробабилитив *-ke* и суперпробабилитив *-tan°ŋklb'a*, встречаются только в тундровом ненецком языке. Как следствие, некоторые другие модальные аффиксы, общие для обоих языков, такие как (т.н., л.н.) *-ji*, (т.н.) *-ŋku (-ta)...* *-sj°* / (л.н.) *-na (-ta)...* *-sj°* и (т.н.) *-rawa(-ra)* / (л.н.) *-lama(-la)*, имеют в лесном и тундровом ненецком разный диапазон модальных функций. Отражение показателей модальности в тундровом и лесном ненецких языках в материалах М. Кастрена [Castrén1854], Т. Лехтисало [Lehtisalo1947], Г.Н. Прокофьева [Прокофьев1937], Н.М. Терещенко [Терещенко 1947] и Г.Д. Вербова [Вербов1973] позволяет предположить, что формы пробабилитива и суперпробабилитива являются относительно молодыми. Их появление в тундровом ненецком языке и могло привести к перестройке, по сравнению с лесным ненецким, системы показателей модальности.

Литература

- Вербов Г. Д. Диалект лесных ненцев // Самодийский сборник. Новосибирск, 1973. С. 3–190.
- Прокофьев Г. Н. Ненецкий (юрако-самоедский) язык // Языки и письменность народов Севера, Ч. I. Москва; Ленинград, 1937. С. 5–52.
- Терещенко Н. М. Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Ленинград: Учпедгиз, 1947.
- Хелимский Е. А. Ненецкий язык // Языки народов России. Красная книга: энциклопедический словарь-справочник. М., 2002. С. 33–137.
- Castrén, M. A. Grammatik der samojedischen Sprachen. Herausgegeben von Anton Schiefner. St. Peresburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1854.
- Janhunen, J. Proto-Uralic – What, Where and When. In: Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 258. Helsinki, 2009. Pp. 57–78.
- Lehtisalo, T. Juraksamojedische Volksdichtung. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 90.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1947.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ В МАТЕРИАЛАХ НАДЫМСКОЙ ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В 1933–1934 гг. в Надымском районе производила работы Надымская землеустроительная экспедиция, деятельность которой носила многозадачный комплексный характер, и включала, в том числе обследование территории района, установление его границ, определение угодий (пастбищных, сенокосных, охотничьих, рыбных и др.), их количественной и качественной оценки, составление специальных карт (геоботанической, охотничьих угодий, лесов и др.). Результатом работы по описанию территории и составлению соответствующих карт стала фиксация огромного количества географических названий местного происхождения, которые записывались во время опросов населения и обозначали их промысловые места, пастбища, населенные пункты, важные дороги, приметные сопки, а затем переносились на карты. Среди них наиболее распространенными топонимами стали гидронимы (потамонимы и лимнонимы), названия островов (инсулонимы). В своем докладе я планирую показать каким образом собирались географические сведения, особенности их фиксации (разные варианты написания одних и тех же названия). А также обращаю внимание на присутствие в документах экспедиции множества местных названий на языках коренного населения (ненцы и ханты), а также пришлых этнических групп (коми и русских), которые не были нанесены на официальные географические карты, но использовались в повседневной практике. Очень часто гидронимы обозначали и промысловое место (рыболовное или охотничье), расположенное на его берегу, превращаясь затем в название населенного пункта, основанного здесь же.

«НЕНЦЫ-МУЖЧИНЫ» И «САМОЕДСКАЯ ДЕСЯТКА»: ЗАГАДКИ НЕН. ХАСАВА

Ненецкое слово *хасава* ‘мужчина’ (лесное *каса*, *касама*), вместе с энТ *kaasa*, энЛ *kasa*, нган. *kuəd’iṯmi* восходит к общесамодийскому *kāāsā(-mā)* ‘человек’ [SW: 61] и, за исключением неясного суффикса *-mā*, не представляет этимологических проблем. Однако в ненецком языке у него есть два употребления, которые выглядят неожиданными. Это, во-первых, использование его для самоназвания, и, во-вторых, употребление вместе с числительным ‘10’ для выражения значения ‘девять’.

Значение ‘ненец’ зафиксировано в тундровом ненецком языке восточнее Урала и в лесном ненецком. Можно было бы предположить, что это употребление — след существовавшего ранее значения ‘человек’; но это значение не сохранилось нигде больше в северосамодийских языках, это слово, а в селькупском вообще отсутствует. Напротив, *хасава* — основной термин для ‘мужчины’ и ‘мужа’. Использование слова ‘мужчина’ для самоназвания кажется странным и не имеет аналогов, по крайней мере, в этой части света.

Представляется, что решение этой загадки достаточно просто. В лесном энецком языке есть слово *kasa* — ‘товарищ, партнер’, а также основа, используемая в сочетаниях типа ‘друг друга’. Вопрос об этимологической долготе первого гласного остается открытым, но в любом случае нен. *хаса-ва* может соответствовать (с точностью до того же суффикса **-mā*) и энЛ. *kasa* ‘товарищ’.

Что же касается семантики, то образование самоназвания от корня с такой семантикой находит непосредственную параллель в нган. *ḥaa* ‘нганасан’ от *ḥa*, которое по значению точно соответствует энЛ. *kasa*.

Сложнее объяснить использование *хасава* в числительном ‘9’: *хасава ю*” буквально значит ‘ненецкая десятка’ (первое слово в разных диалектах может иметь форму как номинатива ед. ч., так и генитива мн. ч.). Более того, собственно ‘10’ может называться *луца’ ю*” ‘русская десятка’, что исключает сомнения во внутренней форме выражения для девятки. Эти выражения фиксируются, начиная с записей Г.Ф. Миллера, т. е. на всем протяжении известной истории ненецкого языка. Однако семантика этих числительных настолько странна, что заставляет думать о позднейшем переосмыслении.

Кажется очевидным, что вторая часть этого слова *-сава* тождественна *-саа* в энТ. *eesaa*, энЛ. *neesaa* ‘9’; можно видеть в нем продолжение ПУ **-kśama*, отраженного также в прибалтийско-финских формах для числительных ‘8’ и ‘9’, которые в ряде диалектов сохраняют *m* в основе. Для сегмента *ха-* непосредственного этимона не видно; гипотетически можно видеть в нем стяженные рефлексy нен. *хэв* ‘сторона’ (ср. предполагаемую этимологию девятки в мансийском и венгерском языках), нен. *хавā-* ‘кроме’ или соответствия энТ. *kaa* ‘товарищ’. Таким образом, в результате случайной омонимии со словом *хасава* ‘мужчина; ненец’ произошло переосмысление числительного ‘9’ как «ненецкой десятки» и вслед за этим числительного ‘10’ как «русской десятки».

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ СЕНСОРНО-ЭВИДЕНЦИАЛЬНОЙ ГРАММЕНЫ «АУДИТИВА» В НЕНЕЦКИХ ШАМАНСКИХ ПЕСНЯХ

Существенной типологической особенностью эвиденциальных систем самодийских языков является представленность в них глагольных форм со специальными морфологическими показателями, выражающими сенсорно-эвиденциальные значения, т. е. указывающими на незрительные чувственные источники сообщаемой информации: слух, осязание, обоняние и др. В самодийских эти глагольные формы традиционно обозначаются термином «аудитив», поскольку в подавляющем большинстве документированных контекстов указывают на слуховой, акустический источник получения сообщаемой информации [Прокофьев 1935: 69, 1937: 44].

Познавательная проблема видится в том, что данное грамматическое значение аудитива, являющееся базовым на документированных срезах, по сути совпадает с лексическим значением самодийских глаголов слухового восприятия. Употребляясь в эвиденциальных высказываниях, они указывают на слуховой источник получения сообщаемой информации, как и граммены аудитива в базовом значении. Поэтому на поздних документированных срезах самодийский аудитив предстает как избыточный архаизм, не опирающийся на какую-либо актуальную коммуникативную потребность, а лишь на фольклорную традицию.

Ключевые глаголы слухового восприятия самодийских языков являются этимологически тождественными, т. е. восходят к прасамодийскому языку [Janhunen 1977: 49-50]. Следовательно, не только на документированных срезах, но и в обозримой диахронической ретроспективе нет явной коммуникативной потребности в грамматикализации базового значения аудитива – «указание на слуховой источник сообщаемой информации». Это дает основание считать, что данное значение аудитива конституировалось как базовое в процессе функционально-семантической эволюции и не является диахронически ранним.

Информативно документированные Т. Лехтисало тексты обрядовых песен ненецких шаманов дают лингво-фактологические и историко-этнологические основания предполагать, что самодийский аудитив первоначально грамматикализировался в сакральной коммуникативной сфере и его диахронически ранняя семантика отразила особенности сакрального общения камлающих шаманов с их невидимыми духами-помощниками [Lehtisalo 1947: 469-546]. Поэтому диахронически ранняя грамматикализованная семантика аудитива была специфической и не совпадала с лексической семантикой глаголов слухового восприятия.

Во-первых, аудитив указывал на слуховое восприятие не любой ситуации, а только ситуации невидимой.

Во-вторых, аудитив указывал не на обычное слуховое восприятие, доступное простым «непосвященным» людям, а на особое сверхъестественное слуховое восприятие, доступное только шаманам.

Литература

- Прокофьев Г. Н. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. Л., 1935. 131 с.
Прокофьев Г. Н. Ненецкий (юрако-самоедский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 1. М-Л., 1937. С. 5-52.
Janhunen, J. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977. 186 с.
Lehtisalo, T. Juraksamojedische Volksdichtung. Helsinki, 1947. 615 s.

ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА ПАМЯТНИКА СЕЛЬКУПСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ «БЕСЕДЫ ОБ ИСТИННОМ БОГЕ И ИСТИННОЙ ВЕРЕ НА НАРЕЧИИ ОБСКИХ ОСТЯКОВ» (1900) МАКАРИЯ (НЕВСКОГО)

Работа посвящена описанию особенностей синтаксиса одного из первых памятников южноселькупской письменности, записанных Макарием (Невским) «Беседы об истинном Боге и истинной вере на наречии обских остяков». Анализируемый материал относится к среднеобскому диалекту селькупского языка. Перевод памятника на селькупский был сделан Макарием (Невским) с алтайского языка при помощи селькупских информантов, а к тексту приложен буквальный русский перевод.

Текст памятника был проанализирован на установление в нем количества финитных предложений, их структурных типов и выявление порядков следования основных элементов: S – субъект, V – предикат, O – прямой объект.

Таблица 1. Предложения и порядки слов в них

Основные элементы предложения	SOV	OSV	OVS	SV	OV	V	Прочее	Всего
Количество использований	58	9	2	149	70	69	9	366

Доминирующими порядками слов текста памятника являются SOV, а также SV и OV. Частотность предложений типа SV, OV и V свидетельствуют о большом количестве нетранзитивных предложений, и наличии субъектного и объектного спряжения глагола, где субъект и объект маркированы при помощи словоизменительных суффиксов и могут восстанавливаться из контекста. Дополнительные порядки слов объясняются влиянием русского языка и «гибким» селькупским синтаксисом, потенциально допускающим любой порядок следования элементов предложения.

В материалах памятника используются специальные конструкции, состоящие из имперфектного деепричастия и финитного глагола, а также нефинитные клаузы с именами действия в локативном падеже для выражения обстоятельства времени. В более поздних текстах по среднеобскому диалекту подобные локативные клаузы не были зафиксированы, а в место них используются финитные клаузы с союзами и союзными словами. В свою очередь конструкции из имперфектного деепричастия и финитного глагола по-прежнему частотны.

В памятнике используется бессоюзный тип связи однородных членов предложения и сложносочиненных предложений, что является архаичной чертой, в определенной мере свойственной всем самодийским языкам, сочетается с использованием союзов и союзных слов, что в диахроническом аспекте можно рассматривать как развивающуюся инновацию. При сравнении с более поздними материалами по среднеобскому диалекту можно утверждать, что использование союзов и союзных слов закрепилось в них.

Литература

Макарий, Епископ Томский (Е. Н.) Беседы об истинном Боге и истинной вере на наречии обских остяков. Томск, 1900.

Секция №2
Археология

Плетнёва Людмила Михайловна

Томский государственный педагогический университет, г. Томск

САМОДИЙСКИЙ КОМПОНЕНТ В ОРНАМЕНТАЦИИ КЕРАМИКИ ТОМСКО-НАРЫМСКОГО ПРИОБЬЯ В ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Для определения культурно-хронологических параметров археологических культур, начиная с эпохи неолита, специалисты используют такие признаки как жилища и поселения, погребальный обряд, инвентарь, формы и орнаментация керамики, объекты и предметы духовной культуры и ряд других.

Наиболее массовым материалом является керамика. Разработанные признаки форм и орнаментации её для эпох раннего железа и средневековья для Томско-Нарымского Приобья на основе применения сравнительного-типологического метода позволили выявить для Нарымского Приобья проживание самодийцев (праселькупов, селькупов) на протяжении всей эпохи железа [Чиндина 1977, 1984, 1993], для Томского Приобья отмечается прерывание традиций в орнаментации керамики в развитом средневековье, что было связано с приходом кимако-кыпчаков и формированием томских татар, но в позднем средневековье наблюдается возврат к прежним традициям с некоторой переработкой орнаментальных композиций [Беликова, Плетнева 1983; Плетнева 1990, 1997; Рыбаков 2014]. Выводы, полученные при изучении керамики подтверждены данными антропологии и генетики [Дремов 1990; Багашев 1994; Березовская, Волков, Тучкова, 2018].

Секция №3
Этнография, фольклористика

Арзютов Дмитрий Владимирович
KTH Royal Institute of Technology, Stockholm, Sweden,
University of Oulu, Finland

Амелина Мария Константиновна
Институт языкознания РАН, Москва,
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН, Москва

**ХОЖДЕНИЕ КАНИНСКОГО САМОЕДИНА ЯКУШКИ ПИРЧИКОВА
САМОВОЛЬСТВОМ В АГЛИНСКУЮ ЗЕМЛЮ И ОБРАТНО: МИКРОИСТОРИЯ
НЕНЕЦКО-АНГЛИЙСКИХ КОНТАКТОВ В I-й ПОЛ. XVII В.**

Данное исследование представляет собой опыт микроисторического и историко-лингвистического анализа одного административного архивного дела I пол. XVII в. из собрания РГАДА — «Дело об освобождении из-под стражи самоеда Якушки Пирчикова, бежавшего в Англию с двумя живыми оленями» (д. № 134), которое значително от 1 декабря 1637 г. и состоит из трёх скорописных грамот. На основе данных архивных материалов мы предпринимаем попытку реконструировать контекст этого неординарного события и этнографические детали этого временного периода. В докладе мы представим полный текст документов (фотокопия), снабженный расшифровкой скорописи, подстрочным переводом на современный русский язык и текстологическим комментарием.

Под словами «самоед» и «самоедин» в архивном деле подразумевается тундровый ненец. В документах есть указание на локальную группу, к которой относится Якушка Пирчиков, — «канинский самоедин». Канинский диалект является самым западным диалектом тундрового ненецкого языка, под Канинской тундрой принято понимать полуостров Канин и материковую часть тундры от Конушина берега Мезенской губы на западе до р. Пёши на востоке [НАО 2001: 119].

Первый документ в данном архивном деле адресован государю Михаилу Федоровичу, отправители данного документа — князь Василий Петрович Львов, который находился на воеводстве в Архангельске [Корсакова 1914: 771—772], и дьяк Тимофей Пчелин. В грамоте сообщается о том, что Якушка Пирчиков в 1631 г. ходил на корабле из Архангельска в Англию, взяв с собой двух живых оленей. По данным допросов, он боялся погибнуть от рук канинских ненцев Толстиковых и Вотеевых, ранее убивших его отца, и таким образом скрывался от преследования. В грамоте излагается, что затем он был пойман и посажен в тюрьму в Архангельске, а в 1636 г. заболел цингой. Далее отправители письма просили о послаблении и изменении меры пресечения («отдать на поруки») для Якушки Пирчикова ввиду его болезни. Второй документ также излагает данные события. Третий документ представляет собой ответ государя Михаила Федоровича В.П. Львову и Т. Пчелину от 5 декабря 1637 г.

Помимо нестандартности самой истории, данные документы проливают свет на этнографические контексты существования русско-английской торговли, в которой тундровые ненцы, как мы можем судить из архивных материалов, принимали активное участие. Эта торговля долгие годы шла через влиятельную Московскую компанию и была ограничена Пустозерском и Архангельском, пока в первой четверти XVII в. не была полностью подчинена Архангельску, отрезавшему путь английским судам на восток [Arel 2004, 2019]. Благодаря немногочисленным записям путешественников и исследователей, известно, что (как минимум) с середины XIX в. на этой территории, а именно на территории Соломбальской верфи, существовал англо-русский пиджин, носивший также название *соломбала* [Верещагин 1849; Broch 1996]. Публикуемые документы дают возможность предполагать, что плавание на английском судне, возможно, требовало от

нашего героя знания или английского языка, или более раннего пиджина, похожего на солонбала, однако подтвердить это предположение можно только после детального анализа других документов русско-английской торговли в XVII в. в районе Архангельска.

Полное имя Якушки Пирчикова, вероятно, Яков Иванович Пирчиков. Скорее всего, уменьшительное наименование *Якушко* образовано от полного мужского имени *Яков* с помощью диминутивного суффикса *-ушк-*. Обозначение *Пирчиков* функционирует уже как фамилия, хотя не исключено, что является притяжательным прилагательным (с продуктивным суффиксом *-ов-*) от ненецкого имени или прозвища его отца или старшего предка по мужской линии. Мы полагаем, что это имя собственное — *Пирчако* (*Пирцяко* — в стандартной ненецкой орфографии без отражения «чоканья»): ср. *пирцяко* ‘уменьш. от *пирця*’, ‘Пирцяко (имя собственное мужское)’, которое образовано от *пирця* ‘высокий’ [Терещенко 1965: 469]. Аналогичное ненецкое мужское имя зафиксировано и в других диалектах: тайм. *Пирча* (*Пирчако*) ‘Высокий’ [Ненянг 1996: 53].

Литература

- Arel, M. S. The Archangel'sk Trade, Empty State Coffers, and the Drive to Modernize: State Monopolization of Russian Export Commodities under Mikhail Fedorovich. In: *Modernizing Muscovy: Reform and Social Change in Seventeenth Century Russia* / Ed. by Jarmo Kotilaine and Marshall Poe. London and New York: Routledge, 2004. Pp. 167–193.
- Arel, M. S. *English Trade and Adventure to Russia in the Early Modern Era: The Muscovy Company, 1603–1649*. London: Rowman & Littlefield, 2019.
- Broch, I. Solombala-English in Archangel. In: *Language Contact in the Arctic: Northern Pidgins and Contact Languages* / Ed. by Ernst Håkon Jahr, Ingvild Broch. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1996. Pp. 93–98.
- Верещагин В. Очерки Архангельской губернии. СПб., 1849.
- Корсакова В. Львов, Василий Петрович // *Русский биографический словарь: в 25 томах. Т. 10*. СПб.—М., 1914.
- Ненецкий автономный округ: *Энциклопедический словарь* / Гл. ред., сост. Л. Ю. Корепанова. М., 2001.
- Ненянг Л. П. Наши имена: К вопросу об имя наречении и бытовании собственных имен у ненцев Таймыра. Антропонимический очерк. СПб.: Отделение изд-ва «Просвещение», 1996.
- Терещенко Н. М. *Ненецко-русский словарь: Около 22000 слов. С приложением краткого грамматического очерка ненецкого языка*. М., 1965.

СИСТЕМА КОММУНИКАЦИИ СЕЛЬКУПОВ С ПОТУСТОРОННИМ МИРОМ

Впервые особенности коммуникации одного из народов Сибири с миром духов соотносятся с теорией коммуникации, и делается попытка связать отдельные элементы этого взаимодействия в систему. Рассматриваются компоненты коммуникации определяются особые признаки системы. Коммуникация может быть непосредственной, когда люди напрямую обращаются к чему-то сверхъестественному с просьбами, или опосредованная – шаман выступает посредником между людьми и духами.

В теории коммуникации выделяют следующие компоненты: участники, код, каналы, топик, жанр, цель и эффект [Hymes 1972].

Коммуникация с потусторонним миром включает непосредственных и опосредованных участников:

- инициатор / клиент шамана;
- посредник 1 – шаман различных категорий и рангов;
- посредник 2 или реципиент 1 – дух или духи-помощники шамана (это могут быть одухотворяемые изображения духов в виде зооморфных или антропоморфных изображений на одежде или других шаманских предметах, а также воображаемые персонажи);
- реципиент 2 – сверхъестественное воображаемое существо, от которого зависит эффект коммуникации.

Судя по этнографическим описаниям, в коммуникации с потусторонним миром задействованы следующие каналы:

Слуховой канал включает пение во время камлания, говорение при предсказаниях; звуки духов-помощников, имитируемые; звуки бубна или других инструментов и предметов;

Визуальный канал включает символическую одежду и предметы шамана; движения; имитацию путешествия; встречу со злыми духами и борьбу с ними; сны, галлюцинации.

Тактильный канал включает прикосновение к шаманским реальным и ирреальным предметам и персонажам.

Коммуникация с потусторонним миром осложняется посредничеством шамана: проситель сам не контактирует с духами, а передает свою просьбу посреднику. Может наблюдаться двойное посредничество, когда шаман действует посредством духов-помощников. Топики могут быть разного рода: лечение больного, нахождение пропавшей вещи, предсказание о погоде, результатах охоты и др. Стиль общения может быть, как формальным, так и неформальным, когда шаман обращается к своим духам-помощникам.

Анализ показывает особенности системы коммуникации с потусторонним миром: наличие посредника коммуникации, ирреальных участников, нетипичные для реальной коммуникации каналы: сновидения, слуховые и визуальные галлюцинации и другие воображаемые средства связи.

Литература

Hymes, D. Models of the Interaction of Language and Social Life. In: J. Gumperz & D. Hymes (eds.), *Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication*: New York: Holt, Rhinehar & Winston, 1972. Pp. 35-71.

ВЭНВЭСОТА, ПАРНЭ, ПЭРАРА ЛЕСАК И ДР. – РЕАЛЬНЫЕ ПЕРСОНАЖИ ИЗ ПРОШЛОГО ИЛИ ВЫМЫШЛЕННЫЕ ГЕРОИ НЕНЕЦКИХ СКАЗОК?

В текстах ненецких сказок есть герои, которые отличаются от ненцев внешними характеристиками и образом жизни. Многие из них представлены как отрицательные герои, с которыми героям сказок надо бороться и победить. Например, *парнэ* и *пэдара лесак* всегда являются враждебными для человека существами. Враждебная роль *парнэ* отражена не только в сказках, но и в пословицах: Не шей кисы поздно вечером – *парнэ* будет их шить; После того, как поиграл, убери игрушки, а то *парнэ* будет ими играть. Другие герои фольклорных произведений, хотя и являются членами семьи, но при этом тоже отличаются от ненцев. Например: *Ёмбо* живёт с бабушкой и братом *Вэнвэсота* (получеловеком-полусобакой). Для того, чтобы их приняли в общество людей, они должны пройти специальные испытания или временную смерть, через которую происходит трансформация героев в людей. В своём докладе я хочу привести тексты таких ненецких сказок, дать характеристику их героев и сюжетов повествования через призму оценки их реального существования или вымысла.

«ТАБАКЕРКИ ЮЖНЫХ СЕЛЬКУПОВ: ЭТНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ»

Распространение табака, по данным А.В. Шаповалова, в Сибири начинается с XVII века. Табак быстро начинает становиться популярным среди народов Сибири, и логично было бы предположить, что наличие предметов, связанных с употреблением табака (курительные трубки, кисеты, табакерки) должны быть в огромном количестве. Но в музейных собраниях таких предметов относительно не много.

Интерес к вещам, касающимся употребления табака народами Западной Сибири, проявлялся исследователями в этнографических и археологических работах (например, [Беликова 2018; Шаповалов 2002]). Отдельных исследований табачных предметов южных селькупов не проводилось. В этнографической литературе упоминается факт употребления табака южными селькупам, но при этом данных о курительных аксессуарах не так много [Пелих 1972; Боброва 2007; Тучкова 2012]. Также отсутствует в этнографических работах специальная информация об изготовлении берестяных табакерок у южных селькупов. При этом, в процессе составления каталога «Берестяная утварь южных селькупов» [2017] мною была выявлена в составе музейных собраний только одна атрибутированная как селькупская табакерка.

Таким образом, в докладе предполагается сделать обзор этнографических и археологических работ, касающихся исследования табакерок у южных селькупов (историографическая задача) и попытаться ответить на вопрос, насколько использование берестяных табакерок было важной частью традиционной культуры южных селькупов.

Литература

- Беликова О. Б. Берестяные табакерки XVIII – XIX вв. тюрков таёжного Причумылья (юг Западной Сибири) // Былые годы. Том 49. Ис. 3, 2018. С. 992 – 1008.
- Боброва А. И. Селькупы XVIII – XIX вв. (по материалам Тискинского могильника). Томск, 2007. 176 с.
- Локтионова А. А. Берестяная утварь южных селькупов: каталог. Томск, 2017. 256 с.
- Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. 424 с.
- Тучкова Н. А., Глушков С. В., Кошелева Е. Ю., Головнёв А. В., Байдак А. В., Максимова Н. П. Селькупы: очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск, 2012. 318 с.
- Шаповалов А. В. Очерки истории и культуры потребления табака в Сибири. XVII – первая половина XX вв. Новосибирск, 2002. 257 с.

«БОГАТЫРСКИЕ ПЕСНИ» СЕЛЬКУПОВ

Сказания о битвах богатырей были в прошлом широко распространены у почти всех локальных групп селькупов. В XIX в., вероятно, это был один из самых популярных жанров селькупского фольклора. Выявлено несколько сюжетных линий, характерных именно для богатырских песен. Обычно богатырские сюжеты начинаются с того, что один воин отбирает у другого жену, или перехватывает во время сватовства невесту и увозит (или пытается её увезти) к себе на родину. Другие богатыри (часто «низовские») стремятся преградить путь удачливому богатырю-сопернику, завязывается битва. Выявляется несколько локальных ареалов распространения этих сюжетов у селькупов. Эти ареалы коррелируют с распространением некоторых Итя-сюжетов, что дает дополнительные данные для этноисторических выводов относительно формирования селькупов.

СОВРЕМЕННАЯ ШКОЛА-ИНТЕРНАТ КАК ТРАНСЛЯТОР ТРАДИЦИОННОЙ НЕНЕЦКОЙ РЕЛИГИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Одним из важнейших направлений «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года» является включение в программы общеобразовательных организаций курсов по изучению культурных ценностей и традиций народов России. Это направление приобретает особую актуальность в связи с тем, что большинство ненцев школьного возраста в течение учебного года вынуждены проживать и обучаться вдали от своих семей – в школах-интернатах. Из этого следует то, что образовательные учреждения являются для них единственными возможными трансляторами традиционной культуры, в частности религии.

В настоящее время многие школы-интернаты оборудуются предметами традиционной ненецкой культуры, специальными книгами, недалеко от них открываются этнопарки, посещение которых делает возможным знакомство молодых ненцев с религиозными традициями народа. О религии предков дети могут узнавать на таких уроках как родной язык, традиционные ремесла, изучение истории и культуры рода, а также на многочисленных внеурочных занятиях и массовых мероприятиях.

Как было выяснено в результате шести интервью, которые были проведены нами осенью 2020 года, некоторые ненцы, вспоминая обучение в школах-интернатах, считают, что ситуация с трансляцией традиционной религии является позитивной только в газетных статьях: в реальной жизни помимо возможностей имеется и ряд ограничений. К таковым в первую очередь следует отнести то, что для большинства учеников и учителей приоритетная задача обучения – не сохранение традиций, а сдача государственных экзаменов: поэтому такие уроки как, например, «литература народов России» в силу своей «непрактичности» на деле часто заменяются дополнительными занятиями по математике или английскому языку.

Ненцами также отмечается, что определенные сложности при изучении элементов традиционной религии их народа обусловлены некомпетентностью педагогов – носителей других культур, имеющих лишь поверхностные представления о ненецких верованиях.

Конечно, важен и тот факт, что образование в Российской Федерации является светским. Этим определяется то, что на занятиях с религиозной тематикой ставится целью познакомить учеников с некоторыми фактами, а не «повернуть» их в сторону анимизма и шаманизма. Но когда и кому нужно осуществлять этот «поворот», если большая часть жизни школьников проходит в стенах интернатов, вдали от семей? И нужно ли вообще?